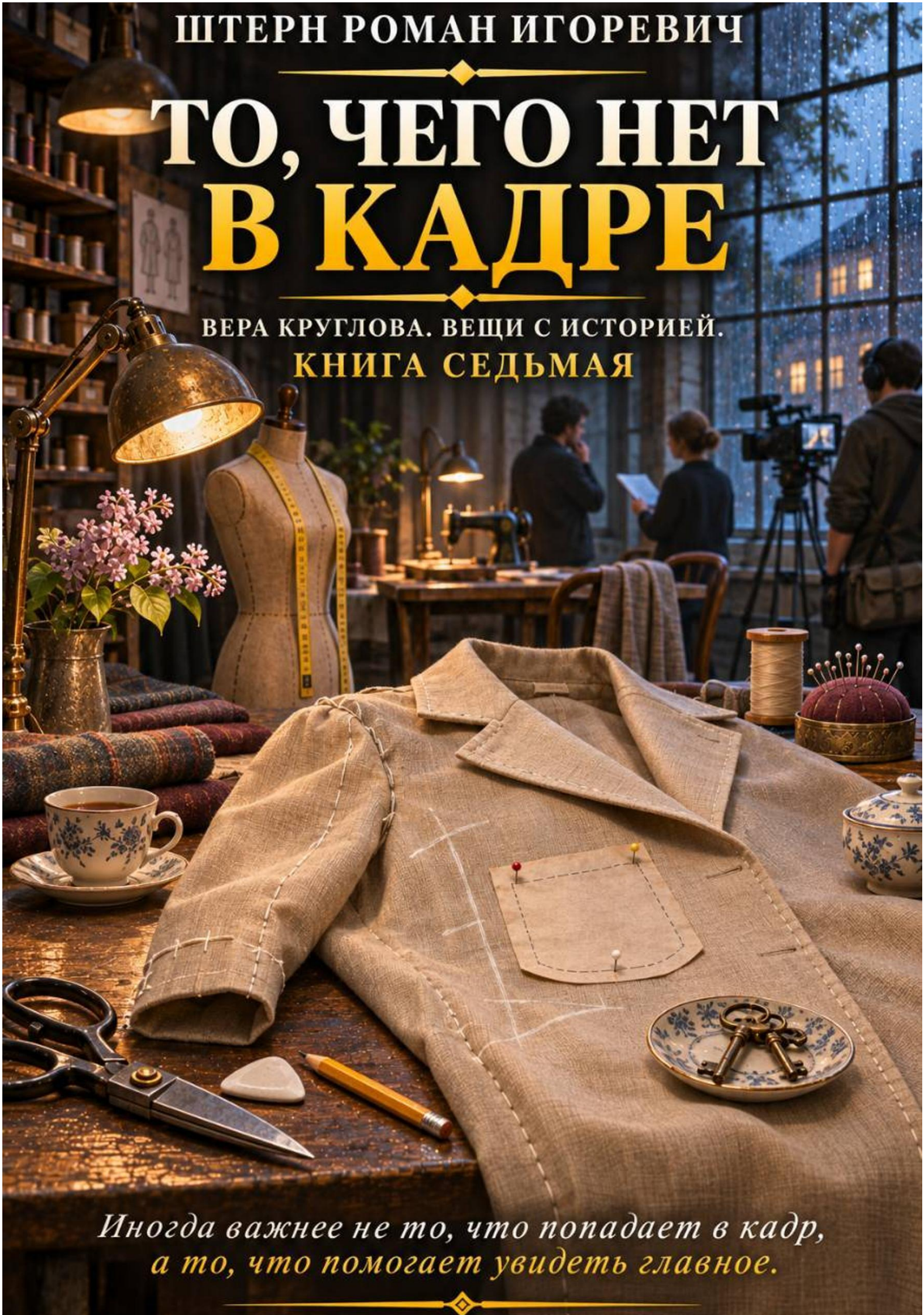
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
ТО, ЧЕГО НЕТ В КАДРЕ
ВЕРА КРУГЛОВА. ВЕЩИ С ИСТОРИЕЙ.
КНИГА СЕДЬМАЯ
Иногда важнее не то, что попадает в кадр,
а то, что помогает увидеть главное.

Вера Круглова. Вещи с историей

Роман Штерн

То, чего нет в кадре

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

То, чего нет в кадре / Р. И. Штерн — «Автор», 2026 — (Вера Круглова. Вещи с историей)

Седьмая книга цикла «Вера Круглова. Вещи с историей». Вера соглашается на документальный фильм о своём ремесле: впервые камера показывает, как она думает, выбирает и создаёт одежду. Но на предварительном просмотре вместо честного рассказа о работе она видит историю безупречной спасительницы. Стоит потребовать правок — приходит анонимное письмо: сто двадцать тысяч рублей и согласие на фильм, иначе чужие частные разговоры станут публичными. Пока полиция ищет отправителя, Вера восстанавливает порядок съёмок по намётке и положению кармана. Ей предстоит защитить собственные слова, не расплачиваясь за них чужими историями.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Не про прошлое 6
Глава 2. Руки работают 12
Глава 3. Выше на два пальца 18
Глава 4. Дом без камеры 24
Глава 5. Хорошая женщина 30
Глава 6. За то, что уже сказано 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Роман Штерн
То, чего нет в кадре

От автора

Благодарю Вас за внимание к этой книге. Я не принимаю его как должное и рад возможности обратиться к Вам перед началом чтения. Пусть у Вас останется хорошее впечатление от времени, проведённого с ней.

Глава 1. Не про прошлое

— Вы мне скажите, на сколько сантиметров опустить, — попросила Инна. — Я запишу и больше не буду мучиться.

Вера убрала линейку с ткани.

— А что вы туда положите?

— В карман? Телефон.

— Положите.

— Он же пока на булавках.

— Поэтому я его придержу. А вы сядьте.

Инна села на край стула, выпрямилась и посмотрела на себя в зеркало. Вера подождала. В комнате «Мерки» было слышно, как Людмила за соседним столом вытягивает намётку: длинная нитка не проходила в последнюю дырочку, и она сердито щёлкала по ней ногтем.

— Теперь сядьте, как будете сидеть в автобусе, — сказала Вера.

Инна отодвинулась к спинке. Телефон упёрся ей в бедро.

— Ну вот. Значит, выше?

— Попробуем. И ближе к середине. Вы к нему сейчас руку выворачивали.

— А в журнале он ниже.

— В журнале у него телефона нет.

Людмила засмеялась, и нитка наконец вышла. Инна тоже улыбнулась, но карандаш не отложила.

Пятого мая солнце доходило до дальнего края стола. Вера передвинула коробку с булавками в тень: от яркого света тонкие стержни исчезали на светлой подушечке. Четверо участниц работали каждая над своим; сегодняшний дополнительный платный блок был посвящён карманам и не входил в обычные четверговые встречи. За два с половиной часа они успели больше, чем Вера ожидала, хотя Инна всё ещё надеялась получить единственный размер на все будущие вещи.

Вера подняла карман и закрепила заново. Инна несколько раз достала телефон, сунула обратно, встала.

— Так удобнее. Только смотрится не совсем одинаково справа и слева.

— Сначала проверьте с двух сторон. Вы ведь правой рукой доставали.

— А можно оставить оба там, где красиво, и просто не носить телефон?

— Можно. Но это уже ваше решение, не размер из журнала.

Инна записала что-то длиннее цифры.

Вера взглянула на часы и предложила заканчивать. До конца оставалось семь минут — как раз отметить положение, убрать булавки с примеряемых вещей и подписать пробы. Она прошла между столами, посмотрела последние строчки. У женщины возле окна вход в карман растянулся; они договорились, что к следующему занятию та подготовит новый образец с укреплённым краем.

— А сейчас мы не успеем? Я быстро.

— Сегодня нет. У меня после вас встреча.

Вера не добавила, что встреча важная. Людмила уже складывала ножницы в чехол, Инна фотографировала свой карман. Закончив, все по очереди подняли с пола обрезки. За собой Вера оставила только мелкие нитки, прилипшие к подошве стула.

Когда участницы ушли, она сняла с крючка дорожный жилет и надела поверх тонкого джемпера. У открытого окна было прохладно. Очки легли в привычный карман; с тех пор как жилет был закончен, Вера перестала каждый раз проверять, не тянет ли он при движении. В нём ездили, обедали, искали забытый платок. После декабрьского практикума прошла зима с

обычными заказами, двумя короткими циклами занятий и неделей, когда она вовсе не бралась за машину.

На другой вешалке висела новая вещь из небелёной ткани — рабочий макет лёгкого пальто. На бумажной бирке Вера так и написала: «Лёгкое пальто. Макет. Май 2031». Низ ещё не был подогнут, один рукав смётан целиком, второй лежал рядом. Это пальто она собиралась шить себе. В шестьдесят четыре ей по-прежнему нравилось начинать вещь, окончательного вида которой ещё не знаешь.

Вера поставила чайник, протёрла свободный край стола и достала три чашки. Потом подумала и взяла четвёртую — себе.

***

Кедрова пришла с мягкой сумкой для ноутбука, Громов — с блокнотом, а Дина Миронова ничего похожего на камеру не принесла.

— Сегодня без съёмки? — уточнила Вера.

— Без съёмки, — ответила Дина. — Сначала посмотрю, где можно встать, если договоримся.

Она не пошла сразу осматривать комнату. Сняла куртку и спросила, куда её повесить.

Предложение пришло через Асю несколько дней назад. Вера уже знала имена: режиссёр Степан Вадимович Громов, продюсер Юлия Борисовна Кедрова, оператор Дина Сергеевна Миронова. Теперь имена соединялись с людьми. Кедрова говорила негромко, но всякий раз возвращала разговор к вопросу, на который ещё не получили ответа. Громов то открывал блокнот, то забывал о нём. Дина села так, чтобы видеть окно и оба рабочих стола.

— Нам нужен короткий фильм о том, как сейчас работают мастерицы, — сказала Кедрова. — Не каталог изделий. Что решают, на чём останавливаются, от чего отказываются.

— И люди, — добавил Громов. — Не только технология.

— Какие люди? — спросила Вера.

— Те, кто делает вещи.

— Я поняла. А дома у них вы тоже хотите снимать?

Кедрова откинула крышку ноутбука, но пока не включила.

— В исходном предложении дома нет. Если возникнет другой замысел, это другой разговор. Не продолжение по умолчанию.

— У меня занятия небольшие. Здесь не производство, которое можно остановить на день, а потом наверстать.

— Останавливать не нужно. Часть времени снимем отдельно, часть — на занятии, если участницы согласятся.

— Не все согласятся.

Дина кивнула:

— Значит, не все попадут в кадр. Но мне надо знать заранее, чтобы построить съёмку, а не всё время просить человека отойти.

Вера налила чай. Громов отодвинул чашку подальше от блокнота.

— Можно показать полторы минуты? Это не образец того, что мы сделаем у вас. Просто способ смотреть на работу. Автор и мастер разрешили показывать этот фрагмент на таких встречах.

На экране мужчина в гончарной мастерской держал небольшой кувшин. Вода текла из носика в таз, затем сбегала по внешней стенке. Мужчина вытер кувшин, провёл пальцем под краем носика и сказал, что придётся менять форму. Камера не приблизилась сразу к рукам: было видно его лицо, таз, неудачную струю. Потом появился ещё сырой вариант. Мастер срезал тонкий край, посмотрел сбоку и срезал ещё.

— Теперь менее изящный, — произнёс за кадром чей-то голос.

— Зато скатерть останется сухой.

Фрагмент закончился не готовым кувшином на полке, а двумя пробами рядом. Вера попросила вернуть к месту, где мастер смотрел сбоку.

— Вот здесь он уже решил? — спросила она.

— Что нужно снимать ещё? — уточнил Громов. — Да. Но мы это поняли только после его объяснения. Поэтому оставили паузу, хотя на первом просмотре она казалась лишней.

Вера посмотрела ещё раз. Никакой торжественной музыки не было. Мужчина думал, а зрителю давали время заметить, на что он смотрит.

— У вас есть вещи, которые люди уже знают, — сказал Громов, когда Кедрова закрыла запись. — С личного показа, с занятий. А вы в письме предложили новую. Почему?

Вера повернулась к вешалке.

— В законченной вы увидите то, на чём я остановилась. Не увидите, сколько было другого.

— Можно разложить старые варианты.

— Если сохранились. И я уже буду объяснять, почему сделала хорошо. А здесь ещё не знаю, хорошо ли.

Дина подошла к макету, остановилась в шаге.

— Можно посмотреть ближе?

Вера сняла его с вешалки и положила на стол.

— Вот рукав. Стоя перед зеркалом — вполне приличный. А потянусь вперёд, и полочка уедет за рукой. Мне нужно понять, где дать свободу, чтобы всё пальто не стало шире.

— А если просто сделать шире? — спросил Громов.

— Тогда получится другая вещь.

— То есть удобство у вас не единственное условие?

Вера посмотрела на него. Обычно после слова «удобно» разговор считали законченным.

— Не единственное. Я хочу, чтобы оно ещё и выглядело так, как задумала. Иначе можно сразу взять на два размера больше.

Дина попросила показать движение, но без камеры. Вера надела макет поверх джемпера, жилет оставила на стуле, вытянула руки вперёд. Громов встал чуть сбоку.

— Вот это видно, — сказала Дина. — Только снимать надо не одни кисти. Иначе вы что-то поправляете, а зачем — непонятно.

— Мне бы не хотелось специально портить, чтобы потом красиво исправить.

— И не надо. Если исправление не получится, остановимся там, где действительно остановились.

Вера опустила руки. Макет сполз обратно не весь: у плеча осталась складка.

— Мне хотелось бы это показать, — сказала она. — Как я работаю. Не только готовое.

Она услышала собственные слова и едва не добавила про пользу для занятий. Но промолчала. В комнате было достаточно людей, чтобы её желание не требовало полезного приложения.

Громов записал что-то в блокноте.

— Тогда начнём отсюда.

— Если договоримся, — напомнила Кедрова. — Я пришлю условия с датами и оплатой. Вы прочитаете спокойно.

После их ухода Вера вернула макет на вешалку. На полу осталось светлое пятно от переставленного стула. Она села на него, не поправляя, и допила чай. Ей хотелось посмотреть тот фрагмент про кувшин ещё раз.

***

Девятого мая они собрались ближе к вечеру, когда на площади уже убрали часть ограждений. Через приоткрытое окно доносились голоса людей, возвращавшихся домой. Ася поло-

жила на стол распечатанные условия, прижала их футляром для очков и попросила закрыть окно: листы всё время переворачивались.

Кедрова села рядом с ней. Громов устроился напротив Веры, Дина — у розетки. Тамара пришла с отдельным листом, на котором было не больше половины страницы.

— Начнём со времени, — предложила Кедрова. — Тридцать пять минут готового фильма. Три блока: двенадцатого, шестнадцатого и двадцатого мая. Первый показ предполагаем четырнадцатого июня. Камерный, здесь, в городе. Помещение уточним после съёмок.

— Тридцать пять минут — на всех? — спросила Тамара.

— Да.

— Тогда моё введение должно быть очень коротким.

— Полторы-две минуты, — сказал Громов. — Нам важен переход к сегодняшней работе.

Тамара положила свой лист перед ним.

— Я на этот переход согласна. Но в тексте остаётся, что приложение номер четыре не найдено. Шесть листов отсутствуют. И что по отдельным вещам вопросы решаются отдельно. Возвраты были частичными.

Громов прочёл первые строки.

— Можно это сказать проще, не перечисляя документы?

— Можно. Полным возвращением от этого не станет.

— Я такого пока не предлагаю.

— Вот и хорошо, — сказала Тамара. — Тогда не будем потом возвращаться к одному слову.

Вера заметила, как Кедрова отметила что-то на своём экземпляре. Тамара не стала разворачивать перед группой всю историю. Её лист относился к короткому введению, а не к новому разбирательству о прошлом.

У Веры в договоре стояло двенадцать тысяч рублей: подготовка собственной работы к съёмочным встречам и дополнительные рабочие часы. Обычные занятия оплачивались отдельно теми, кто на них приходил.

— Здесь не плата за участие в интервью? — уточнила она.

— Нет, — ответила Кедрова. — За перечисленную работу и время. От содержания вашего ответа сумма не зависит. Перечисляю сегодня после подписания.

— И если готовое пальто к съёмке не получится, я его ночью заканчивать не буду.

— Нам нужен процесс, — сказал Громов.

Вера прочла эту часть ещё раз. В окончательном тексте готового пальто к определённой дате действительно не требовалось.

Ася повернула к Кедровой свой лист.

— У меня календарь съёмок и согласий, передача вот этого комплекта и одна сверка. Шесть тысяч. Полное видео я не принимаю на хранение.

— Да. Ограниченный комплект указан в приложении.

— И я отвечаю в рабочее время. Если вечером кто-то решил перенести утро, я могу прочитать уже утром.

— Тогда срочные изменения — через меня, — сказала Кедрова.

Ася провела ногтем по строке.

— Здесь пока написано «координация участников». Я бы заменила на то, что мы сейчас перечислили.

— Заменим.

Вера подала ей ручку. Ася вписала уточнение сама. Рядом с нею лежал телефон с открытым календарём; после девяти вечера клетки были закрыты серой полосой. Вера не спросила, чем занято это время.

Дальше пошли ограничения. Семейная жизнь не входила в согласованную тему. Каждая участница могла говорить о собственной работе, но не подтверждала согласие отсутствующих людей на показ их вещей, фотографий или рассказов. Спорные высказывания и фрагменты с оговорёнными ограничениями предстояло показать самим участникам до выпуска.

— А что считается спорным? — спросила Вера. — Не понравится мне, как я сижу, это тоже?

— Ракурс вы можете попросить заменить, — ответила Дина. — Но лучше сразу сказать, если вам неудобно. Я из-за камеры не всегда вижу, что стул упирается.

— Я не про стул. Допустим, рядом поставят два моих ответа, а получится третий.

Громов отложил ручку.

— Монтаж всегда меняет соседство. Мы не можем дать каждому право собирать весь фильм. Тогда он не закончится.

— Весь я и не собираюсь. Но ответ на один вопрос не должен стать ответом на другой.

Кедрова посмотрела на обоих.

— Давайте так и запишем. Сверка смысла высказываний, фактических утверждений и соблюдения ограничений. Не согласование каждого перехода и каждой секунды.

Вера кивнула. Громов тоже. Он не выглядел обиженным, только придвинул лист поближе и перечитал добавление.

— Мне важно, чтобы в кадре вы могли думать, а не сразу давать безупречную формулировку, — сказал он. — Если будете всё время держать в голове выпуск, получится доклад.

— Думать я могу, — ответила Вера. — Только не всё, что я подумаю вслух, годится для чужого просмотра.

— Для этого и будет предварительный.

Дина внесла в свой список отметку. Кедрова перешла к черновикам: самостоятельно публиковать их, пересылать для рекламы или выкладывать отдельные вырезки до согласованного выпуска было нельзя. Вера спросила, относится ли это и к ней. Относилось.

— Если вам понравится кусочек и захочется показать дочери, сначала напишите нам, — сказала Кедрова. — Сделаем разрешённую копию, если в нём нет других людей с ограничениями.

— Хорошо.

Они дочитали условия. Несколько исправленных листов пришлось распечатать заново; пока принтер медленно выдавал страницы, Тамара спросила Дину, не помешает ли её очковый шнурок микрофону. Дина попросила повернуть голову.

— Может задевать. На записи проверим. Я здесь ещё и за звук.

— Только очки далеко не убирайте. Без них я вам всё прошлое изложу на память, и оно будет значительно стройнее.

Вера улыбнулась. Громов впервые за вечер рассмеялся, не глядя в бумаги.

Когда подписали, Кедрова отправила переводы. Вера проверила поступление двенадцати тысяч и оформила чек. Ася подтвердила свои шесть. В разговоре не появилось ни обещания новых заказов, ни расчёта на большую аудиторию. Деньги относились к работе, которую они согласились выполнить.

Вера раскрыла календарь. На двенадцатое внесла первый блок, на шестнадцатое — второй, на двадцатое — третий. Четверговое занятие осталось на месте. Утро между съёмками она обвела карандашом.

— Это нам? — спросил Громов.

— Нет. Это мне над пальто поработать.

Он заглянул на вешалку.

— До следующей встречи оно может измениться?

— Если разберусь с рукавом — непременно.

Дина подняла голову от списка оборудования.

— Тогда и снимем изменившееся.

Вера закрыла календарь, но руку с обложки не убрала. Ей нравились триновые записи. Не приходилось говорить, что согласилась ради мастерской или потому, что больше некому.

Она сняла макет с вешалки и разложила его на свободном конце стола. Пока остальные собирали бумаги, проверила оставшуюся у плеча складку. Теперь эту работу предстояло не только сделать, но и показать — с того места, где решения ещё не было.

Глава 2. Руки работают

Дина посмотрела на пустую Вериную ладонь и опустила камеру.

— А ключи у вас есть?

— Есть. Вам от комнаты?

— Нет, для кармана. Вы сейчас показали, как их достаёте, но пальцы сложили так, будто держите что-то большое.

Вера разжала руку.

— Я перед камерой, видимо, все городские ключи ношу.

Дина улыбнулась.

— Давайте возьмём ваши. И больше не будем просить доставать то, чего нет.

Двенадцатого мая в «Мерке» переставили два стула и отодвинули от окна вешалку. Остальное Вера попросила оставить. Ей нужно было подходить к зеркалу, брать мел и садиться за стол, не разыскивая привычные вещи в новых местах. Дина попробовала поставить камеру напротив, потом перешла ближе к двери.

— Отсюда видно руку и весь бок. У зеркала красиво, но я сама в отражение попадаю.

— А мне туда всё равно ходить.

— Ходите. Я найду место.

Макет висел на Вере поверх полосатой блузки. Небелёная ткань была жёстче будущей пальтовой; срезы у низа оставались открытыми. После прошлой встречи Вера успела немного изменить посадку смётанного рукава. При движении вперёд полочка уже не уходила за рукой целиком, хотя окончательным это решение назвать было рано.

Сейчас она проверяла другое. На правой стороне, ниже талии, был приколот бумажный карман. Его нижний край шёл наклонно, как на рисунке, который ей нравился ещё за неделю до макета. Рядом тянулась одна вертикальная линия крупной намётки — ориентир, по которому Вера следила, как меняется положение ткани.

Она взяла со стола ключи и подвела руку к верхнему краю бумажной формы. Настоящего кармана здесь ещё не было, класть ключи было некуда. Но уже по движению кисти стало ясно: вход придётся искать ниже, чем удобно.

— Ещё раз так проведите, — попросила Дина. — Только чуть медленнее.

Вера повторила. От медленного движения локоть ушёл в сторону, а ладонь задержалась у бумаги.

— Нет, — сказала она. — Так я не делаю. Получается, будто глажу себя.

— Тогда не надо. Покажите в обычном темпе. Мне лучше отойти, чтобы рука целиком вошла.

У двери молодой мужчина присел возле сумки с проводами. Он убрал кабель с прохода, закрепил его полоской ленты и отодвинул сумку под стул.

— Теперь к зеркалу можно, — сказал он. — Только эту ножку стойки пока обойдите справа. После проверки уберём дальше.

Кедрова представила его, когда он поднялся:

— Максим Игоревич Шестаков. Техническая координация и помощь с монтажом. В прошлый раз у него была другая работа.

— Максим, — уточнил он. — Можно без отчества.

— Вера Андреевна. Можно с отчеством, я привыкла.

Он кивнул без шутки и спросил, до которого часа комната в их распоряжении.

— До двух. Потом мне нужно подготовить стол к следующему занятию. Сегодня его нет, но я ради съёмки подготовку на ночь не перенесу.

— Значит, сбор заканчиваем до двух. Я поставлю напоминание.

На столе рядом с его ноутбуком лежали два небольших накопителя с наклейками. Максим проверил, какой провод к какому подходит, и закрыл крышку компьютера.

Вера посмотрела на часы. Из первых двадцати минут почти всё ушло на то, чтобы люди разместились, а она могла по-прежнему дойти до зеркала. Ей казалось, что съёмка должна начаться сразу, иначе за отведённое время они не успеют ничего существенного.

Громов, наоборот, не торопил. Он стоял возле стола с её рисунками и смотрел на макет.

— Вы сейчас уже знаете, что карман будет выше?

— Думаю, что будет. Но насколько — ещё нет.

— Тогда не надо пока его переставлять. Начнём с того, почему вам здесь не нравится.

— Мне как раз нравится. Руке не нравится.

— Вот с этого и начнём.

Вера убрала ключи в блюдце, где обычно держала мелкие застёжки. Дина попросила минуту тишины, проверила звук, затем подняла голову.

— Можно работать. На меня смотреть не обязательно.

И именно после этих слов Вере захотелось посмотреть только на неё.

***

Сначала Вера слишком старательно держала плечи. Поднимала руку, опускала и ждала следующего указания. В зеркале стояла женщина, показывающая, что умеет носить пальто, — не то, ради чего они собрались.

Громов спросил:

— Что вы сделали бы сейчас, если бы нас здесь не было?

— Села.

— Садитесь.

Вера села. Бумага упёрлась нижним углом в бедро и приподнялась. Она придержала её, чтобы не вырвать булавку, потом встала и взяла со стола карандаш.

— Вот это важно. На столе у меня всё лежало ровно. На фигуре уже не лежит.

— Потому что низ наклонён?

— Не только. Карман низко, и форма длинная. Если сейчас выровнять один край, руке легче не станет.

Она обозначила карандашом на бумаге место, где край встретился с бедром. Потом взяла мел, но отложила: сначала требовалось проверить, не тянет ли сама полочка. Провела пальцами возле намётки, повернулась боком к зеркалу.

Дина не попросила повторить ни одного движения. Вера слышала, как оператор осторожно переступила за её спиной, и через некоторое время перестала помнить, куда направлен объектив.

— А почему не сделать совсем обычный карман? — спросил Громов. — Прямой. Как на другой вашей куртке.

— Можно.

— Но вы не хотите?

— Я хочу этот наклон сохранить. Пока не знаю, получится ли.

— То есть удобство не всегда важнее?

Вера посмотрела на него через зеркало.

— Я не выбираю одно из двух на всю жизнь. Мне нравится форма. Я попробую сделать её удобной. Не выйдет — изменю форму.

Она снова села, теперь чуть глубже. Ключи остались в блюдце. Не требовалось изображать, будто они уже лежат в готовой вещи: нужное неудобство проявлялось без них.

Край бумаги загнулся. Вера сняла макет и положила на стол, расправляя его не ладонью, а короткими движениями пальцев возле булавок. Намётка выпрямилась. В сидячем положении она чуть отклонялась, и это стоило проверить отдельно.

— Вы остановились, — сказал Громов. — Что сейчас не будете делать?

— Резать.

— А хотелось?

— Хотелось сразу укоротить снизу. Но, если всё подниму, длина может оказаться подходящей. Отрежу сейчас — придётся новую бумагу брать.

Она произнесла это и вдруг поняла, что уже не подбирает слова для камеры. Её занимал карман. Дорогой ткани на столе ещё не было, ошибку можно было исправить за несколько минут, но тратить эти минуты на ошибку, которую видишь заранее, ей не хотелось.

Громов попросил снять крупнее карандашную отметку. Дина подошла к столу. Вера отвела руку, чтобы не заслонять.

— Нет, оставьте, — сказала Дина. — Вы покажите, где придерживали. Иначе непонятно, почему бумага загнулась.

Вера показала. Потом они сделали перерыв.

Кедрова принесла воду из соседней комнаты и поставила бутылки на подоконник, подальше от ткани. Ася посмотрела в календарь, спросила, укладываются ли они в блок. Максим ответил, что запись идёт по плану, и убрал со стула сумку, освобождая Вере место.

Дина предложила посмотреть минуту отснятого.

Вера приготовилась увидеть свою шею, неудачно поднятый подбородок и руки, которые на чужих фотографиях всегда казались ей тяжелее, чем в работе. На маленьком экране всё это тоже было. Но сначала она увидела другое: нижний угол бумаги упёрся в бедро; пальцы удержали его; она встала, потянулась за мелом и передумала.

Камера не торопилась вслед за рукой. В кадре оставалась полочка с наметочной линией, и задержка, которая во время съёмки могла показаться неловкой, оказалась понятной.

— Здесь видно, что я проверяю ткань, — сказала Вера.

— Да, — ответила Дина. — Я для этого не пошла сразу за карандашом.

Громов наклонился к экрану.

— И потом вы говорите, почему не режете. Не нужно отдельно объяснять, что у работы есть цена.

Вера попросила включить начало ещё раз. Во второй раз она почти не смотрела на своё лицо.

Ей понравилось. Не из вежливости к людям, которые столько времени двигали стулья. Снятое позволяло другому человеку увидеть то, о чём она обычно говорила только над чужой выкройкой: рука уже потянулась исправлять, а решение ещё не принято.

— Получилось, — сказала она.

— Этот кусок оставим для сборки, — ответил Громов.

После перерыва он сел чуть в стороне от камеры. Вера снова надела макет. Бумажный карман остался на прежнем месте; теперь она знала, какие движения нужно проверить до переноса.

— Вы так же начинали со старыми работами? — спросил Громов.

Она не сразу поняла.

— В каком смысле?

— Смотрели на вещь и видели, что её история не сходится. Потом начинали возвращать людям то, что у них забрали.

Вера опустила руку.

— Там не с вещи всё началось. Я сама подписала акт передачи в девяносто пятом, не проверив приложения. Это моя ответственность. Я об этом уже рассказывала.

Громов молчал, давая ей продолжить. Вера слышала слабый шум за окном: во дворе кто-то передвигал металлическую лестницу.

— И возвращала не я одна, — добавила она. — Люди сами искали бумаги, обращались, спорили. Некоторые до сих пор спорят.

— Но для вас работа руками и эта история связаны?

— Для меня много чего связано. Только мы договаривались снимать, как я сейчас делаю одежду.

— Я ищу переход. От человека к работе.

— Вы его в другую сторону ищете. Мы уже были в работе.

Громов слегка откинулся на стуле. Вера пожалела о резкости последней фразы, но брать её обратно не стала.

— Хорошо, — сказал он. — Возвращаемся к пальто. Я не предлагаю вам оправдываться.

— Я и не оправдываюсь.

Дина спросила, продолжать ли запись. Вера кивнула. Громов попросил объяснить, почему она выбрала для макета именно такую ткань, если готовое пальто будет мягче.

Ответить оказалось легко. Вера взяла за край полочку и показала, какие вещи удаётся проверить уже сейчас, а какие придётся смотреть заново в другом материале. Громов уточнил про вес кармана; вопрос был хороший. Разговор постепенно вернулся к тому, ради чего она согласилась.

Когда Дина остановила камеру, Вера подошла к Асе.

— Отметь, пожалуйста: сегодняшнее отступление про передачу не меняет тему. Я не отказываюсь от сказанного, но фильм у нас про нынешнюю работу.

Ася открыла свой лист.

— Напишу в итогах блока. Юлии отправлю, вам копию.

— И Степану, — сказала Кедрова, услышав своё имя. — Это к дальнейшей сборке.

Громов, стоявший у окна, повернулся.

— Да, я понял.

Вера не знала, нужен ли ему этот переход настолько, чтобы спорить ещё. Пока он не спорил. Она сняла макет, осторожно придерживая бумажную деталь, и повесила на прежнее место.

***

До двух оставалось двадцать пять минут. Максим открыл ноутбук, Дина положила рядом футляр с картами. Стойка уже была сложена; по комнате снова можно было пройти, ни о чём не вспоминая на каждом шагу.

— Здесь копирование закончено, сейчас сверка, — сказал Максим Кедровой. — Не отключайте пока.

Юлия держала небольшой накопитель, который он попросил оставить на столе. Вера собирала возле них рисунки и услышала, как Ася спросила:

— Мне сегодня что-то ждать?

— Полный массив? — уточнил Максим.

— Нет. Мне полный не нужен. Только то, что в моём списке.

Он посмотрел её лист.

— Два коротких фрагмента для сверки и сведения о блоке. Сделаю отдельно, когда проверю звук.

— В рабочее время, — сказала Ася. — Сегодня вечером не надо.

— Хорошо.

Вера убрала рисунки в папку, но стоять у стола осталась.

— А тот кусок, который мы смотрели, теперь у кого будет?

Дина показала на футляр.

— Камерные оригиналы сохраняю я. У Юлии будет резервная копия.

— Мне — весь рабочий материал для синхронизации звука и подготовки копий, — добавил Максим. — Степану передам отобранное, с чем он будет собирать фильм. Смотреть весь день по кругу ему не нужно.

— А Асе — только её два кусочка.

— Да.

Вера посмотрела на накопитель. Маленькая плоская вещь занимала на столе меньше места, чем её коробка с мелом. В неё поместились и долгие приготовления, и паузы, и ответ, после которого ей захотелось одёрнуть режиссёра.

Громов подошёл за своей сумкой.

— Черновую сборку сохраните отдельным проектом. Я завтра посмотрю отбор.

— Конечно, — ответил Максим. — И файл для просмотра отдельно выведу.

— Это не одно и то же? — спросила Вера.

Он развернул к ней экран, но программу открывать не стал.

— Проект — это где я работаю: какие куски взяты, в каком порядке, где звук. Он лежит на компьютере, отдельно от исходных записей. А для просмотра делаем готовый видеофайл. Его можно открыть без монтажной программы.

— Значит, если вы поменяете порядок, старое видео само не поменяется.

— Нет. Будет новая версия. Поэтому их и называем по-разному.

— Теперь понятно.

Максим сверился со списком, дождался окончания проверки и только тогда отсоединил накопитель Кедровой. Дина убрала карты в свой футляр.

Юлия уточнила время шестнадцатого мая. Вера ответила, что оно остаётся прежним.

— Хорошо бы дальше не сдвигать, — сказал Максим. — У меня между вашими блоками другие заказы, а часть оплаты здесь привязана к сдаче и первому показу.

— Участники даты подтвердили, — ответила Кедрова. — Если будут изменения, сообщу я. Вере Андреевне не нужно под них весь месяц освобождать.

— Я не прошу освобождать. Мне как раз нужны три определённых дня.

Ася проверила, не осталось ли её листов под ноутбуком. Громов ещё раз посмотрел на макет.

— К следующему разу карман уже будет выше?

— Собираюсь поднять. Но специально для вас оставлять неудачное место не буду.

— И не надо. Покажете, что изменилось.

Они ушли за несколько минут до двух. Кедрова задержалась у двери, чтобы проверить, у всех ли собраны вещи, и ушла последней из группы. Ася забрала свою папку и сказала, что краткие итоги блока отправит завтра.

Вера осталась одна.

Комната казалась непривычно тихой, хотя во время записи никто особенно не шумел. На полу ещё была полоска ленты; Вера подцепила её ногтем и сняла. Стул вернула к столу. Бутылку с оставшейся водой положила в сумку.

Потом достала телефон и сфотографировала макет целиком. На снимке было видно, как бумажный карман расположен относительно вертикальной намётки. Для себя сделала ещё кадр ближе: наклонный нижний край, булавки, карандашная отметка после примерки.

В рабочий разговор отправила общий снимок и написала: «Сегодняшнее положение. К 16 мая попробую поднять карман. На бумаге пока ничего не срезаю».

Она не стала сразу вынимать булавки. Сначала нужно было подготовить наборы к четвергу, а на собственное пальто у неё оставалось утро, заранее обведённое в календаре.

Вера открыла его, проверила следующую съёмочную дату и закрыла снова. Отказываться от неё не хотелось. Вопрос Громова всё ещё немного сердил, но рядом с ним помнился другой

— что она сейчас не будет делать. И то, как на экране рука остановилась прежде, чем испортила бумажную форму.

Она могла объяснять этот момент долго. Дина сумела его снять.

Вера выключила лампу над зеркалом. Ей хотелось увидеть фильм целиком.

Глава 3. Выше на два пальца

— А вы с пакетом попробуйте, — сказала Ия. — Когда вторая рука занята, сразу всё становится интереснее.

Она протянула Вере одну из своих сумок. Внутри что-то тяжело перекатилось.

— Что там?

— Две бутылки воды. Не для красоты принесла.

Вера взяла сумку левой рукой и правой потянулась к бумажному карману на макете. На этот раз ладонь легла возле входа без поисков. Бумага тихо хрустнула.

— Теперь лучше, — сказала она.

— Теперь вы её не ловите. Но я бы ещё вход чуть повернула.

— Тогда он отойдёт от тела.

— На сумке не отошёл бы.

— А это пока пальто.

Ия улыбнулась и забрала сумку. На её собственной вещи короткие ручки стояли торчком, а длинный ремень был свёрнут и прихвачен широкой резинкой. Сумки она шила небольшими сериями, по три или четыре, но эти две привезла под отдельные заказы. На одной ещё не было окончательно закреплено место для длинного ремня.

Шестнадцатого мая в «Мерке» пахло мокрыми куртками. Дождь начался, когда Вера уже вышла из дома; серый джемпер под плащом не промок, зато низ брюк пришлось промокнуть бумажным полотенцем. Теперь она стояла перед зеркалом в макете, а Ия Петровна Котова присела на край стола, проверив сначала, не лежит ли под ней мел.

Они были знакомы по двум рабочим встречам, где Ия почти всё время молчала, а потом задавала один вопрос, ради которого, похоже, и приходила. Сегодня она явилась раньше группы и первым делом попросила место, где можно положить вещи, не закрывая Вериного кроя.

Карман Вера подняла накануне утром. Примерно на ширину двух пальцев — хотя переносила, разумеется, по линейке. Некоторое время пыталась сохранить наклон нижнего края, который нравился ей на рисунке. Выше он стал выглядеть так, будто бумага съехала под рукой. Вера повернула форму и выровняла низ.

Прежняя вертикальная намётка оставалась на небелёной ткани. Возле неё теперь лежали несколько коротких поперечных стежков: Вера обозначила высоту, к которой вернулась после трёх попыток.

— Наклон убрали? — спросила Ия.

— Убрала. Жалко было.

— Мне тоже иногда жалко. Особенно если уже людям картинку отправила.

— А потом?

— Потом шью то, что можно носить. Картинке пишу извинение.

Вера засмеялась, сняла макет и повесила его на широкие плечики. Пока Ия вынимала из сумки бутылки, она сделала общий снимок, затем подошла ближе, чтобы самой видеть положение булавок. В рабочий разговор отправила только общий вид: «16 мая. Карман подняла, нижний край выровняла. Пока оставляю бумажный».

На фотографию почти сразу отозвалась Ася: «Получила. Сегодня снимете, как проверяете?»

Вера написала: «Да». Итоги первого блока Ася прислала тринадцатого, как обещала; уточнение о теме там стояло отдельным пунктом. Сейчас сама она должна была подойти только к окончанию съёмки.

В коридоре заговорили. Максим придержал дверь, пропуская Дину с камерой, затем поднял с пола свёрнутый коврик, который кто-то оставил поперёк прохода.

— Здесь можно поставить? — спросил он, показав на простенок.

— Только не к батарее, — ответила Вера. — Он мокрый снизу.

Громов вошёл последним, с расстёгнутой сумкой через плечо. Поздоровавшись с Ией, сразу заметил карман.

— Вы отказались от наклона.

— Пока да.

— Снимем, почему?

Вера уже хотела ответить, но Дина подняла ладонь.

— Подождите. Лучше не рассказывайте сейчас весь разговор, а то на записи будем вспоминать, как хорошо сказали минуту назад.

Она проверила звук, попросила Веру снова надеть макет и отошла так, чтобы в кадр попадали бок, локоть и рука. Максим убрал со стула свою куртку. Ия поставила рядом нагруженную сумку.

Сначала Вера показала, куда приходилось тянуться раньше. Дина не просила вернуть бумагу на прежнее место; для сравнения хватило движения и сохранённой отметки на ткани. Потом Вера взяла сумку, повернулась, села. Бумажная форма задела край стола.

— Вот здесь надо посмотреть, — сказала она. — Если я оставлю такую ширину, на ткани может оттопыриться угол. Бумага жёсткая, по ней окончательно не решу.

— Но по высоте вы уже определились? — спросила Дина. Камеру она не опускала. — Карман остаётся здесь, в нынешнем положении?

— Да, так верно.

Вера провела ладонью возле верхнего края.

— Руку не приходится дотягивать. Теперь из ткани сделаю, проверю, что будет с весом. А это только место.

— Ключи пока не кладём, — сказала Ия.

— Кладём, если хотим начать сначала.

Все негромко засмеялись. Дина продолжала снимать, пока Вера ставила сумку на пол и проверяла движение ещё раз, уже без подсказки.

Громов спросил:

— Вы говорите «правильно», но через день можете переделать. Что тогда здесь правильно?

Вера посмотрела не на него, а на свою руку.

— То, что сейчас проверила. Высота мне подходит. Ткань ещё не проверила, вес не проверила. Зачем мне сразу за всё отвечать?

— То есть решение не обязательно окончательное.

— Конечно. Иначе зачем макет?

Она сказала это без раздражения. Вопрос оказался полезным: приходилось объяснять не приём знакомому человеку, а самое обычное основание работы тому, кто прежде его не замечал. Вера расправила плечо макета и вдруг поняла, что уже несколько минут не думает, куда смотрит камера.

***

У Ии всё началось с того, что ремень съехал на шею.

Она надела сумку, наклонилась за бутылкой и остановилась.

— Вот. Это мне и надо было увидеть.

Дина чуть отступила. Ия не стала снимать сумку сразу: придержала ремень пальцем, повернулась к зеркалу, затем мелом поставила отметку возле временного крепления.

— Заказчица носит через плечо? — спросила Вера.

— Через плечо и поперёк, в зависимости от того, куда идёт. А ещё она просила, чтобы короткие ручки не били по руке.

— Они сейчас сложились внутрь.

— Потому что пустая была. С бутылками иначе.

Громов попросил показать, как Ия поднимает сумку со стола и одним движением надевает ремень.

Она посмотрела на него.

— Я сейчас его двигать буду. Если ещё раз надену, он опять уедет туда же.

— Мне нужен общий план до изменения.

— Тогда снимите, как есть. Но третий раз я эту шею под ремень не подставлю.

Дина опустилась чуть ниже.

— Подождите, не снимайте пока. У меня виден и ремень, и ваша метка. Потом руки возьмём ближе.

Ия постояла несколько секунд, не изображая удобства. Затем сняла сумку, разложила на столе и вынула временное крепление. Вера подвинула ей подушечку для булавок. Та поблагодарила кивком, но саму сумку повернула по-своему — не так, как Вера собиралась предложить.

При новом положении ремня боковой шов слегка потянуло. Ия ощупала его изнутри.

— Тут усиление придётся расширить.

— Вы из-за двух сантиметров будете открывать подкладку? — спросил Громов.

— Она пока не закрыта.

— А если бы была?

— Открыла бы.

— Заказчица этого не увидит.

Ия подняла глаза.

— Зато увидит, если вырвет. Причём в самое неподходящее время. У сумок с этим хорошо получается.

Громов улыбнулся, но следующий вопрос задал серьёзно:

— А где заканчивается просьба заказчика и начинается ваше решение? Она же не просила расширять усиление.

Ия перестала перебирать булавки.

— Она сказала, что будет носить папку и термос. Ей не обязательно знать, чем я это удержу. За это она мне и платит. А вот сделать сумку легче, не меняя размера и ткани, я обещать не стала. Мы выбирали.

Вера посмотрела на вторую сумку. Та была меньше, с широким дном и двумя наружными карманами, один из которых закрывался клапаном.

— Эту тоже под термос?

— Нет, эта под человека, который всё время теряет ключи. Ключи я ей пришить не могу, но место для них сделала одно.

— А пользоваться будет?

— Это уже не в моей смете.

Дина негромко рассмеялась за камерой. Ия нашла в коробке нужную полосу плотной ткани и приложила изнутри. Вера подержала бок, пока та проверяла размер. Впервые за утро они оказались в кадре обе — не для разговора друг с другом, а потому, что одной рукой держать сумку в нужном положении было неудобно.

Вере понравилось, что её не попросили наклониться поближе или посмотреть на Ию. Она могла следить за краем ткани и вовремя отпустить.

К перерыву бутылки вернулись на подоконник. Кедрова принесла из коридора пакет с едой, спросила, где можно поставить стаканчики. Вера указала на маленькую тумбу возле

двери. На раскройном столе оставались нитки, бумажный карман и открытая подкладка сумки; устраивать там обед не хотелось.

Ия вынула из своей сумки контейнер.

— У меня с собой. Только вилку забыла.

— Есть ложка, — сказала Вера.

— Для котлеты сойдёт. Она у меня покладистая.

Они ели стоя у окна и по очереди садились на освободившийся стул. Громов расспрашивал Ию о сериях: почему три одинаковые сумки сделать легче, но продавать она предпочитает не все сразу.

— Потому что одинаковые они только пока лежат у меня, — ответила та. — Потом одной надо ремень длиннее, другой внутренний карман меньше. Я заранее всё не закрываю.

— А бывает, что заказов много, а работать всё равно не на что?

Ия задержала ложку над контейнером.

— Бывает.

— И как вы тогда выходите? Отказываете, берёте вперёд?

Она закрыла крышку и посмотрела на камеру, стоявшую неподалёку.

— Степан Вадимович, дальше я могу объяснить, но не для фильма. Это не только обо мне.

— Давайте сначала поговорим, — сказал Громов. — Может быть, ничего оттуда и не понадобится.

Вера отнесла свой стакан на тумбу. Ей нужно было снять макет с плечиков и проверить, не разошлась ли намётка у рукава. Обсуждать чужие заказы при ней Ия не обязана была, а оставаться поблизости из опасения что-нибудь пропустить Вере показалось бы неприличным.

Она перешла к зеркалу у дальнего стола. Голоса за спиной стали тише. Различались отдельные слова, но Вера не вслушивалась. Короткие стежки у проймы держали; один длинный она всё-таки заменила, потому что он цеплялся за палец.

От приоткрытой форточки тянуло. После перерыва Вера достала из чехла свой дорожный жилет и надела поверх джемпера. Очечник лёг в привычный карман. Макет снова занял вешалку: сегодня его уже проверили, а тканевую деталь она собиралась выкраивать без камеры.

Ия вернулась к столу, помыла руки и продолжила прикладывать усиление.

— Здесь угол закруглить? — спросила Вера.

— Да. Только я сама, у меня ножницы маленькие есть.

Она достала их из бокового отделения сумки. На ручках была намотана полоска мягкой ткани.

— Пальцы натирают?

— Если весь день ими. Эти лёгкие, мне удобнее, чем большие.

Ия вырезала угол, подняла полосу к свету и снова уложила внутрь. Никакого объяснения про разговор у окна не последовало. Вера подала ей нитку нужного цвета.

***

Когда основные эпизоды закончили, Дина попросила несколько минут на звук. Во время съёмки Иной сумки в наушниках появлялся короткий треск; она не была уверена, задевал ли кабель одежду или дело было в соединении.

Максим освободил край тумбы и поставил маленький записывающий прибор. Дина закрепила микрофон на себе, повернула голову, провела рукой мимо кабеля.

— Сейчас пишем проверку, — сказала она. — Не материал для фильма.

— Отдельно отмечу, — ответил Максим.

Он нажал кнопку. Дина произнесла несколько слов, послушала в наушниках, попросила Максима отойти подальше и заговорить обычным голосом. Вера постояла рядом, ожидая, не понадобится ли ей снова надеть макет.

— Я свободна?

— Да. Ваш звук чистый, — ответила Дина. — Это мы свою неполадку ловим.

Вера взяла со стола папку с выкройкой и ушла в нишу за вешалкой, где оставила чехол. Там нужно было собрать не только свои вещи: Ия попросила подать ей пустой жёсткий вкладыш для сумки, поставленный у стены. Вера нашла его, вернулась к Ие, и они занялись упаковкой. От тумбы доносилась речь, но слов отсюда было не разобрать.

Ткань на Ииной сумке после перестановки легла спокойнее. Постоянное крепление она решила сделать в своей мастерской.

— Я вам снимок пришлю, когда закончу, — сказала Ия. — Только не для фильма. Чтобы вы видели, что мы тут не зря держали.

— Пришлите. Мне интересно.

— А вы карман из этой же ткани будете делать?

— Из такой же пробной. Сначала надо понять, что он с полочкой сделает.

— С бутылкой?

— До бутылки я пока не дошла.

Ия застегнула сумку и подняла её за короткие ручки. Длинный ремень теперь лежал отдельно. Она спросила Кедрову о следующем просмотре, уточнила, нужно ли ей освобождать весь вечер, и записала только согласованный промежуток.

Ася пришла, когда Максим уже раскладывал накопители. Плащ она не сняла, лишь вытерла очки и спросила у Юлии, какие дополнения появились к календарю.

Дина стояла возле ноутбука. Вера подошла за своей подушечкой для булавок и услышала:

— Иин разговор в перерыве пометьте отдельно. Личный фрагмент, с ограничением на использование. Не в общий отбор.

— Пока сохраните для обсуждения, — сказал Громов. — Я хочу ещё раз его послушать.

— Пометка должна остаться и у вас, — ответила Дина.

— Останется.

Ия, ещё не ушедшая от двери, повернулась.

— Обсуждать со мной.

— Да, конечно, с вами, — сказал он.

Вера положила подушечку в коробку. Ия сама услышала ответ и сама могла решить, достаточно ли его сейчас. Вера не стала ни подтверждать за режиссёра, что он всё понял, ни добавлять от себя обещаний.

Ася внесла ограничение в свой лист и попросила прислать обозначение фрагмента, когда Максим закончит разбор. Содержания разговора она не спрашивала.

— А моя проверка отдельно, — напомнила Дина, снимая микрофон. — В техническую папку. В отбор Степану её не нужно.

Максим кивнул и указал на строку в списке.

— Здесь будет. Полный массив сначала копирую целиком, потом готовлю отбор и копии. Если начать выбирать прямо с карт, легче что-нибудь пропустить.

Вера увидела на экране два разных обозначения: рядом с рабочими эпизодами стояли номера, ниже — техническая запись. Не удалённая, просто отделённая от того, что собирались показывать.

— То есть проверка тоже у вас останется? — спросила она.

— Да, в рабочем материале. Для синхронизации и проверки, — ответил Максим. — В фильме из-за этого она не появится.

— Сохранение не даёт разрешения использовать, — сказала Кедрова. — Пометки переносим вместе с копиями.

Дина дочитала строку, добавила несколько слов и отошла к футляру. Максим продолжил проверку файлов. Никто не торопил его отсоединить накопитель, хотя Ия уже надела куртку, а Громов дважды посмотрел на часы.

Вера задержалась возле Дины.

— Про карман не надо ещё раз ответить? Я там сначала с сумкой села, потом встала. Может, непонятно получилось.

— Всё понятно. Вопрос, ответ, ваша проверка — всё есть. И видно, почему вы пока не режете ткань.

— Тогда хорошо.

Ей не хотелось записывать повтор. Сейчас ответ мог выйти аккуратнее, но она уже начала бы выбирать слова вместо того, чтобы думать о пальто.

Ия ушла со своими сумками. Ася получила обозначения фрагментов и закрыла папку; полного видео уносить ей не требовалось. Когда копирование закончилось, Кедрова проверила резерв, Дина убрала карты, а Максим сложил свой накопитель в отдельный карман чехла.

Вера сняла с вешалки макет. Под бумажным карманом ещё было видно место прежнего крепления. Она не стала убирать намётку: по ней удобно будет проверить новую деталь. На столе рядом с папкой лежали ножницы, и работа могла продолжаться без просьбы повторить движение.

За один день они успели решить не всё. Зато высота кармана больше не вызывала сомнений, а у Ии перестал съезжать ремень. Вера знала, что захочет посмотреть оба эпизода.

Она убрала макет в чехол, оставив бумагу свободной, чтобы не смять. Список с обозначениями рабочих и ограниченных записей ещё лежал перед Кедровой. Юлия сверяла его с Диной; Вера подождала у двери, пока они закончат.

Глава 4. Дом без камеры

— Теперь туда можно положить ключи? — спросила Дина.

— Теперь можно увидеть, почему я ещё не готова их туда класть.

Вера придержала верх кармана двумя пальцами. Вместо бумажной формы на макете была деталь из той же небелёной ткани, что и полочки. Она уже поддавалась руке, но вместе с ней поддавался и весь бок: стоило отвести край, как ниже талии возникала косая складка.

Дина подошла ближе, не поднимая камеры.

— Вот это надо снять. С вашего плеча будет видно?

— Если вы мне руку оставите.

— Постараюсь.

Двадцатого мая солнце добралось до дальнего конца стола. Вера перед приходом группы убрала оттуда мел и закрыла чехол с чужим заказом. Собственный макет лежал открыто, рядом — снятый бумажный карман, ножницы и узкая полоска ткани для укрепления входа.

Она опять надела полосатую блузку, в которой снималась двенадцатого. Утром достала другую, с мягкими рукавами, но манжеты всё время сползали к кистям. В этой можно было один раз отвернуть край и забыть о нём.

Карман оставался на выбранной высоте, выше первоначального места. Вера наметала его длинными стежками, чтобы после примерки легко снять. Рядом появилась вторая продольная линия — новый ориентир для положения полочки. Первую она почти выпорола, но у груди и ближе к низу ещё торчали концы ниток: вечером отвлеклась на звонок заказчицы и не вернулась к ним.

Максим, проходя к розетке, показал на свободный стул.

— Бумагу можно сюда переложить?

— Только ровно. Это прежний карман, я по нему ещё сравниваю.

Он перенёс деталь обеими руками и убрал с прохода свой чехол. Громов встал возле Дины.

— Вера Андреевна, а можно сначала приложить бумажный, потом сразу этот? Чтобы переход был понятен.

— Приложить можно. Только тканевый уже на мне. Снимать его ради перехода не буду.

— Тогда покажите бумагу рядом.

Вера взяла прежнюю форму и приложила поверх тканевого кармана. Очертания совпадали почти полностью; бумага лежала ровно, скрывая складку.

— На столе всё хорошо, — сказала она. — И вот так тоже будто хорошо. А теперь бумагу убираем.

Она протянула её Громову и снова отвела вход.

Дина немного отступила.

— Вижу. Продолжайте.

Вера посмотрела в зеркало. Ей хотелось стянуть полочку вниз, разгладить складку и предъявить камере уже понятный результат. Вместо этого она отпустила ткань, пошевелила рукой и повторила движение медленнее.

— Можно шире открыть? — попросил Громов. — На этом расстоянии совсем маленькое движение.

— Если шире, я покажу, как карман отрывают. Мне нужно обычное движение. Дина, вы можете ближе?

— Могу. Степан, отойди к столу.

Камера оказалась почти у Вериного локтя. Вера дождалась, пока Дина устроится, и на этот раз не стала смотреть на неё.

— Бумага держала форму сама. А ткань надо удержать так, чтобы она мне руку не держала. Сейчас я попробую укрепить только вход. Если не поможет, буду менять деталь.

Она сняла макет и положила на стол. Громов потянулся за бумажным карманом, но Вера попросила оставить его рядом: он ещё нужен. Узкую полоску она приметала с изнанки, расправляя припуск ногтем. Дина снимала сверху. Никто не просил ускориться.

Когда Вера снова надела макет, край перестал так легко оттягиваться. Складка стала меньше, но совсем не ушла.

— Уже лучше? — спросил Громов.

— Лучше. Не закончено.

Она положила ключи в карман, придерживая снизу, чтобы не нагружать временное крепление. Села, встала, достала их. Теперь рука проходила свободно, а нижний угол цеплялся за полочку иначе, чем в прошлый раз. Вера отметила место мелом.

На маленьком экране, который Дина повернула к ней после записи, было видно и короткое натяжение ткани, и то, как Вера остановилась, не пытаясь скрыть его ладонью. Потом — полоска с изнанки, несколько стежков, новая примерка.

— Здесь даже без моих слов понятно, — сказала Вера.

— Не всё, — ответила Дина. — Без слов можно решить, что вы просто край подвернули.

Вера попросила показать ещё раз. Ей нравилось, что работа не выглядела ни ловким фокусом, ни бесконечной вознёй. Было видно, зачем она сняла вещь и почему надела снова.

Кедрова напомнила, что через десять минут придёт Тамара. Вера кивнула и сняла макет. До следующей примерки можно было оставить всё как есть. Ей впервые за утро не хотелось доделать ещё хоть что-нибудь, пока камера здесь.

***

Тамара принесла свой текст в библиотечной папке. Села на приготовленный стул, посмотрела за спину и попросила убрать с тумбы чашку.

— Она пустая, — сказал Максим.

— Зато с чайным следом. Будет казаться, что я с ней историческую справку составляла.

— Вам воды поставить? — спросила Кедрова.

— Воды можно. Вне кадра.

Пока Дина поправляла микрофон, Вера сложила ножницы в коробку и осталась у стола. Исторический блок собирались записать здесь же, без чужих старых работ на заднем плане. На вешалке висел только новый макет с биркой «Лёгкое пальто. Макет. Май 2031».

Тамара прочла первые две строки, остановилась.

— Нет, читать не буду. Слишком слышно.

Она положила лист на колени и посмотрела чуть в сторону от камеры, туда, где сел Громов.

Говорила она без привычной лекционной округлости. О швейном участке, о личных рабочих подборках, попавших в общую передачу. О том, что происхождение отдельных вещей удалось подтвердить по разным сохранившимся источникам.

— Мы проследили восемь исторических работ, — сказала она. — Но это не опись всего переданного в девяносто пятом году. Упомянутое в акте приложение номер четыре — шесть листов — по-прежнему отсутствует. Нельзя дописать его по тем вещам, которые нашлись.

Вера слышала эти слова прежде. Сейчас, среди ламп и проводов, они звучали немного жёстче. Громов не перебивал.

— Часть сохранившегося вернули. Одна работа утрачена в прежнем виде, по другой имущественный вопрос ещё рассматривается. Возмещения тоже не означают, что все потери покрыты. И решения принимали сами владельцы. Получить вещь, принять деньги, разрешить показ — это разные решения.

Тамара на мгновение опустила глаза к листу.

— В прежней юбилейной публикации я поддержала рассказ об общем согласии на передачу. Потом он был публично исправлен. Но исправленный текст не даёт мне права говорить, что теперь все согласны и все друг друга простили.

Дина некоторое время не двигалась, затем посмотрела на Громова. Тот поднял ладонь: ещё.

— Если совсем просто, для человека, который впервые об этом слышит, — сказал он. — Можно ли теперь считать, что старые работы полностью возвращены людям?

Тамара не ответила сразу. Вера видела, как она сжала край листа.

— Полностью — нет. Я потому и перечисляю ограничения. Можно сказать, какие именно работы вернулись и кому. Нельзя сказать, что вернулось всё.

— А наследство всё-таки снова принадлежит городу?

— У личной вещи есть владелец, а не обязанность принадлежать городу. Некоторые вещи люди оставили дома и больше не хотят показывать. Это тоже результат.

Громов кивнул, но Вере показалось, что вопрос ещё не закончен.

— Мне нужен переход к сегодняшней работе. Не хочется оставлять зрителя внутри незакрытого спора.

— Тогда переходите к сегодняшней работе, — сказала Вера. — Она ведь у нас есть.

Тамара повернулась к ней, и Дина опустила камеру.

— Последний ответ записан, — сказала она. — Если будем продолжать, вернитесь, пожалуйста, к Степану. Иначе взгляд всё время в другую сторону.

Громов попросил ещё коротко сказать о том, как старые приёмы используются сейчас. На этот вопрос Тамара ответила охотнее, но имя Веры не сделала центром истории. Мастерицы учились друг у друга, меняли способы работы, отказывались от того, что больше не подходило. Новая вещь не обязана была воспроизводить старую, чтобы за ней стоял настоящий опыт.

Вера слушала и думала о бумажном кармане. Его удачная форма уже дважды потребовала уступки телу и материалу. На экране можно было показать эти перемены, не объявляя ни одну окончательной победой.

Запись закончили. Тамара сняла очки, потёрла переносицу и спросила, когда увидит свой фрагмент.

— На предварительной сверке, — ответила Кедрова. — В составе, в котором он пойдёт в фильм.

Ася, пришедшая к концу блока, отметила это в календаре. Тамара убрала лист, застегнула папку и ушла в библиотеку: у неё оставалось своё рабочее дело, не связанное со съёмками.

Олег появился, когда Дина уже снимала камеру со стойки. Они с Верой договорились встретиться после двух, зайти за хлебом и пообедать у неё. Суп она сварила утром; Олег обещал принести яблоки.

— Я не рано? — спросил он от двери.

— Как раз, — сказала Вера. — Мне только макет убрать.

В руке у него был небольшой пакет. Он поставил его возле своей ноги, поздоровался с остальными и отступил, пропуская Максима с сумкой.

Громов посмотрел на него, потом на Веру.

— А вот что я хотел предложить. Мы сегодня сняли рабочий этап, исторический переход тоже есть. Для окончания хорошо бы совсем небольшую сцену дома. Без интервью. Ваши вещи, обычная комната, вы с Олегом Михайловичем.

Вера взялась за плечики.

— За столом?

— Например. Или вы показываете ему готовую вещь. Не обязательно сегодня. Спокойная жизнь после всей этой работы.

— Дом мы не включали, — напомнила Кедрова.

— Я предлагаю. Если захотят, отдельно договоримся.

Вера оглянулась на Олега. Ей уже представился стол у окна, серо-синее пальто на вешалке и жилет, который он видел ещё с незакреплённым карманом. Можно было не говорить ничего особенного. Просто быть вместе.

— Нет, — сказал Олег. — Дома сниматься я не хочу.

Он произнёс это без раздражения, как ответ на вопрос о времени, в которое не может прийти.

— Мы не будем просить вас играть, — сказал Громов. — Обычный разговор.

— При камере он у меня обычным не получится.

— Можно и без разговора, — сказала Вера. — Совсем коротко. Ты ведь видел, как Дина снимает. Никто не заставляет улыбаться.

Олег перевёл взгляд на неё.

— Вер, я не про улыбку.

— А про что?

Дина закрыла футляр и отошла к Кедровой. От этого стало ещё заметнее, что разговор слышат все.

— Про то, что не хочу нашу жизнь снимать, — ответил Олег. — Если про хор понадобится, это другой разговор. С коллективом, с руководителем. Там мы работаем. Но я за них тоже не решу.

— Про хор у нас сейчас нет замысла, — сказал Громов.

— Я понимаю.

Кедрова убрала лист с расписанием в папку.

— Тогда домашнего блока нет. Три согласованных мы закончили.

Вера повесила макет в чехол слишком резко; плечики стукнули о край стола.

— То есть рядом ты готов быть, только когда нас никто не видит?

Олег не потянулся за пакетом. Несколько секунд стоял совсем неподвижно.

— Ты сейчас серьёзно?

Она могла бы сказать, что вырвалось. Но в эту минуту ей казалось, что она наконец спросила то, что он всё время обходил.

— Я не прошу ничего такого.

— А я ответил. Мне не хочется изображать, что у тебя всё хорошо.

— Изображать?

— Доказывать это в фильме. Как ещё сказать, я не знаю.

Громов посмотрел на Кедрову. Та застегнула папку.

— Мы закончили на сегодня, — повторила она. — Остальное не при нас.

Вера промолчала. Подписывать было нечего. Ася только подтвердила время предварительной сверки; Дина вынесла футляр, Максим — стойку. Олег держал дверь, пока они проходили. Когда группа ушла, он вернулся за яблоками.

***

На улице было теплее, чем утром. Вера застегнула плащ на одну пуговицу и пошла рядом с Олегом. До булочной они обычно успевали обсудить, что осталось дома, но теперь пакет шуршал в его руке на каждом шагу, и этот звук мешал подобрать начало.

— Я не говорила, что у нас всё плохо, — сказала она.

— Я тоже.

— Ты сказал: изображать.

— Потому что мне предложили быть спокойной жизнью в конце фильма. Я этого не хочу.

Возле сквера они остановились. Вера поправила ремень сумки; он зацепился за воротник.

— Давай сядем.

Олег сел на край скамейки, оставив пакет между ног. Вера устроилась рядом. Колено ныло, но сейчас ей было неприятно даже то, что он привычно выбрал место с удобной высотой сиденья. Будто заботу можно было получить, а всё остальное приходилось выпрашивать.

— Ты ведь ходил со мной на показ моих вещей, — сказала она.

— Ходил. И ещё пойду, если позовёшь. Это не одно и то же.

— Я думала, тебе будет приятно.

— Что?

Она посмотрела на него.

— Что и ты там будешь. Не только я одна у стола.

— А ты когда об этом подумала? До того, как Степан предложил?

Вера хотела ответить, что предложение было неожиданным. Оно и было неожиданным — именно сегодня, среди собранных сумок. Но домашнюю комнату в фильме она представляла раньше. Ещё после первого хорошего фрагмента, когда вечером рассказывала Олегу о съёмке и он слушал, не перебивая.

— Не совсем так, как он сказал, — ответила она. — Но думала. Что можно показать не одну работу.

— А меня спросить?

— Мы же сейчас и спросили.

Олег отвернулся к дорожке. Мимо прошла женщина с собакой; поводок на секунду натянулся поперёк прохода, потом освободил его.

— И я сказал «нет», — произнёс он. — После этого ты спросила, почему я тебя прячу.

Вера провела ладонью по сумке. Внутри лежала бумажная форма кармана, которую она забрала домой, чтобы вечером сравнить с рисунком. Край упирался в подкладку.

— Ты не понимаешь, как это для меня важно.

— Фильм?

— Не просто фильм. Они сняли, как я работаю. Не как я кому-то помогла и не что когда-то было. Я посмотрела и сама увидела. Мне хочется, чтобы другие тоже увидели.

Он слушал. Раньше в таком месте он, наверное, взял бы её за руку, и Вера смогла бы сказать дальше уже без этой сухости во рту.

— Я не против того, чтобы увидели, — ответил Олег.

— Но войти на две минуты…

— Вер, ты опять про две минуты.

Она замолчала. Из окна булочной через дорогу вынесли небольшую доску с ценами. Кто-то придерживал дверь ногой; наружу выходило тепло, пахло выпечкой.

— Суп стынет, — сказала Вера.

— Ты его выключила.

— Его можно разогреть.

Олег поднял пакет и поставил рядом с ней.

— Я сегодня домой пойду.

— Из-за камеры?

— Из-за того, как мы поговорили.

Вера не взяла яблоки.

— Я ведь хотела, чтобы ты был рядом.

— Я и пришёл. Мы на обед договаривались.

Он сказал это негромко, без победы в голосе. Оттого возразить оказалось труднее.

Они посидели ещё немного. Вера ждала, что он всё-таки предложит зайти за хлебом. Он не предложил. Сказал, что позвонит завтра, если она будет свободна вечером; она ответила, что после семи дома.

Олег поднялся первым. Вера осталась на скамейке, пока он не дошёл до поворота, потом взяла пакет.

Дома суп пришлось разогревать только на одну тарелку. Яблоки она высыпала в миску и заметила под ними два маленьких пирога в бумажном пакете. Олег купил их до встречи.

Вера положила один на блюдце, второй убрала. Поела, вымыла тарелку. Камеры дома не было и не должно было появиться: никто не назначил дня, не переставлял мебель, не выбирал свет. Всё стояло на своих местах.

Только кресло возле окна она ещё утром освободила от сложенной ткани. Для обеда оно не требовалось. Вера постояла возле него, потом села сама.

Ей хотелось, чтобы в фильме увидели её работу. Это было правдой. Но в приготовленном кресле она почему-то заранее оставила место Олегу — и совсем не предусмотрела, что он может выбрать другое.

Глава 5. Хорошая женщина

На экране Вера стояла с закрытыми глазами.

— Это не начало, — сказал Максим. — Пока остановлено.

— Я поняла.

Она всё же отвернулась к стульям. На съёмке можно было не смотреть на камеру. Здесь от собственного лица высотой почти с человека деваться было некуда.

Для предварительного просмотра Кедрова сняла небольшую комнату с проектором. Стулья поставили двумя рядами, на столе у двери лежали листы и ручки. Окно закрыли плотной шторой, но снизу оставили щель; в ней белел майский вечер. До начала было ещё десять минут.

Вера выбрала место с краю. В сумке лежал её экземпляр договорённостей, однако доставать его сразу не хотелось. Она пришла смотреть фильм, а не проверять, понадобится ли договор.

Ася сидела возле стола, сверяя присланный ей список с обозначением на экране.

— Это сегодняшняя версия?

— Да, от двадцать восьмого, — ответил Максим. — Та, которую Юлии отправили.

Ася записала обозначение и дату.

— Два коротких фрагмента у меня были отдельно. Теперь сверяю в составе этой версии.

— А ты весь фильм уже видела? — спросила Вера.

— Нет. Только то, что мне передали для моего участка.

Рядом с Верой села Ия. Одну сумку она принесла с собой — ту, у которой на съёмке переставляла крепление ремня. Теперь ремень держался без временных стежков.

— Дошили? — Вера показала на крепление.

— Дошила. Завтра отдаю. Хотела вам тогда снимок послать и забыла.

Ия повернула сумку боком. Вера посмотрела, не трогая.

— Хорошо легло.

— С нагрузкой тоже проверила. Теперь главное, чтобы заказчица не решила носить за одну ручку мешок картошки.

— Вы ей так и скажете?

— Про вес скажу. Картошку оставлю при себе.

Они улыбнулись. Вера почувствовала, как понемногу отпускает напряжение, с которым она шла сюда.

Олег на следующий вечер после их ссоры позвонил, как обещал. Разговор не сорвался, но и прежним не стал: обсудили погоду, его репетицию, Верино занятие. О просмотре она сообщила позже. Он пожелал, чтобы получилось хорошо. Вера не спросила, придёт ли он. Сейчас ей хотелось увидеть его среди стульев, и она сердилась на себя за это желание — он ничего такого не обещал.

Тамара пришла последней из участниц. Села впереди, положила очки на раскрытую тетрадь. Дина осталась ближе к проектору. Камеры при ней не было.

Кедрова встала у окна.

— Сначала посмотрим целиком, если не возникнет причины остановить. Потом вернёмся к нужным местам. Это предварительная версия, к выпуску она не утверждена. Сегодня сверяем факты, смысл высказываний и ограничения, о которых договаривались.

— И смотрим кино, — добавил Громов. — Не только нарушения.

Он улыбнулся, но Вера не поняла, кому именно. Себе она улыбаться не приказала.

— Я хочу посмотреть, — сказала она.

Громов кивнул Максиму. Тот погасил верхний свет.

Сначала был слышен шорох ткани. Не музыка, не голос, сообщавший, сколько лет Вера отдала любимому делу. По столу двигалась полочка макета, край цеплялся за маленькую подушечку с булавками. Вера в кадре убрала её, не глядя, и провела ладонью вдоль намётки.

Потом возникло лицо.

Она знала, что сейчас скажет. Но пауза перед словами оказалась длиннее, чем ей помнилось: Вера смотрела на карман, чуть приподняв подбородок, будто ждала от него возражения.

«Если я сейчас срежу, обратно не добавлю».

Рука потянулась к ножницам и остановилась.

В комнате никто не шевельнулся. Вера перестала думать о том, как выглядит её шея. На экране было видно, почему она не режет: бумажная форма лежала убедительно, почти красиво, но стоило ей сесть, как вход уходил от руки. Дина сняла движение достаточно близко, чтобы это стало понятно без длинного объяснения.

Вера услышала собственный короткий смешок. Потом — вопрос Громова о том, что пока нельзя проверить в этой ткани.

Хороший вопрос. Она помнила, как после него вернулась к работе и забыла, что сердится.

На экране она показывала разницу между неподвижным макетом на вешалке и вещью на человеке. Не читала урок и не помогала очередной неумелой посетительнице. Выбирала устройство своего пальто. Приподнимала край, отпускала, пробовала ещё раз.

Вера слегка подалась вперёд.

Ия шепнула:

— Вот тут видно.

Вера кивнула, не отрываясь от экрана.

Дальше пошли сумки. Иины пальцы придерживали ремень у временного крепления, затем отпускали. Ремень съезжал; вторая попытка была уже другой. В фильм вошёл её спор о повторном движении, но без раздражения: зритель успевал понять, чего она не хочет делать и почему.

Несколько минут Вера просто смотрела. Ей нравились и сама работа, и то, как чужой взгляд сумел её показать. Она даже позволила себе подумать, что четырнадцатого июня придут люди, которые никогда не были в «Мерке», и увидят именно это.

Переход к истории случился на её руках.

Она складывала снятую бумажную деталь. Поверх этого движения зазвучал голос Громова:

«В городе, где многие вещи давно считались ничьими, Вера Круглова начала возвращать им имена».

Затем показали площадь перед «Речником», табличку у входа, пустой коридор. Вера ещё не насторожилась вполне. Историческое введение они согласовали; нельзя было ждать, что оно будет снято так же, как карман.

Тамара появилась сидящей прямо, с руками на столе.

«Удалось проследить восемь работ».

После этих слов Вера ждала продолжения — о том, что восемь работ не составляют полной описи передачи. Продолжения не было. Вместо него снова показали Веру у макета, затем Ию, которая слушала что-то за пределами кадра.

Голос Громова сказал:

«Шаг за шагом чужие ошибки были исправлены».

Вера выпрямилась. Её собственная подпись не возникла ни здесь, ни в следующем фрагменте. Она услышала несколько знакомых слов о поиске документов, возвращении сохранившихся вещей, возмещении. Всё было сказано когда-то по отдельности и всё касалось реальных событий. Но люди, которые сами искали свои бумаги, спорили и принимали решения, исчезли. Осталась она, переходившая из комнаты в комнату.

Тамара на экране произнесла:

«Прежняя юбилейная формулировка получила публичное исправление».

Сразу за этим — улыбающаяся Вера. Она узнала улыбку: так отреагировала на замечание Ии про тяжесть сумки.

В темноте Тамара медленно закрыла тетрадь.

Фильм продолжался. Громов за кадром спрашивал:

«То есть теперь можно сказать, что старые работы полностью вернулись людям?»

Вера услышала:

«Да, так верно».

Собственный голос — с лёгким выдохом перед «да». Она сидела на экране в сером джемпере, возле светлого макета. Пальцы придерживали что-то у его края.

— Подождите, — сказала Вера.

Максим остановил воспроизведение. Голос исчез, но Верино лицо осталось: довольное, спокойное.

— Вернитесь к вопросу.

Громов повернулся к ней.

— Мы можем отметить и досмотреть. Там ещё есть завершение.

— Нет. Мне нужно ещё раз услышать, на что я отвечаю.

Максим посмотрел на Кедрову. Та кивнула.

Вопрос прозвучал снова. И снова её голос согласился с тем, чего она никогда не говорила.

У Веры стало жарко под воротом. Интонацию она помнила гораздо лучше слов, которые были рядом при съёмке. Перед глазами возникли бумажный край, сумка у ноги, Дина, стоявшая близко. Она отвечала о кармане. Но сейчас всё смешалось с крупным лицом на экране, и восстановить разговор слово в слово не получалось.

— Это про макет, — сказала она. — Я отвечала о положении кармана.

— Эпизод включён в общий разговор, — ответил Громов. — Мы не заявляем, что это стенограмма одной беседы.

— А выглядит как ответ на ваш вопрос.

— Для зрителя важен итог.

— Но я с таким итогом не соглашалась.

Включили свет. На побелевшем экране её изображение сделалось почти прозрачным.

Ия смотрела не на него, а на свою сумку. Дина поднялась и подошла к столу, но ничего оттуда не взяла.

— Контекст надо сверить с исходником, — сказала она. — Не по этому экспорту.

— Я помню свой вопрос, — сказала Тамара. — Он был задан мне двадцатого. И я ответила, что полностью — нельзя. Дальше объяснила почему.

— Я не могу оставить все объяснения, — произнёс Громов.

— Все и не требуется. Здесь убрано то, что меняет ответ.

Кедрова попросила Максима записать место остановки. Потом обратилась к Вере:

— Вы готовы досмотреть оставшееся? К этому вернёмся отдельно.

Вера кивнула. Ей хотелось немедленно уйти от своего лица, но уходить из комнаты она не собиралась.

Осталось несколько минут. Тканевый карман, узкая укрепляющая полоска, её рука, поддерживающая низ при пробе с ключами. Эти кадры тоже были хороши. Вера с почти физической досадой заметила, насколько ясно показано действие: прежде полочка уходила складкой, теперь держалась лучше. Даже на таком экране было видно, что складка не исчезла совсем.

Потом пошли лица. Ия слушала, Тамара улыбалась, Вера смеялась чему-то за столом. Голос говорил о доверии, которое можно восстановить терпением, и о городе, научившемся беречь своих мастеров.

Фильм закончился без её подписи и без тех, кто так и не простил.

Несколько секунд никто не говорил. Максим оставил на экране последний титр. Дина попросила включить свет полностью.

***

— С рабочими сценами вы согласны? — спросил Громов.

Он сидел впереди, повернув стул к остальным. На коленях держал распечатку, но не смотрел в неё.

— Они мне нравятся, — ответила Вера.

Громов чуть развёл руками.

— Вот. Мы нашли человека в работе. Не набор приёмов, которые можно снять без вас. Человек меняется, и работа тоже.

— Из-за этого можно поставить мой ответ к другому вопросу?

— Вы сейчас сводите фильм к одному переходу.

— Нет. К одному переходу я как раз не свожу.

Она достала свои листы. Бумага застряла под застёжкой сумки; пришлось освободить угол. Вера положила договорённости перед собой, не открывая на нужном пункте.

— В начале я делаю пальто. Потом вдруг оказывается, что я исправила чужие ошибки, вернула всё людям и теперь все рады. А я сама была среди тех, кто подписал передачу.

— Это другой центр истории, — сказал Громов. — Если мы начнём с вашей вины, зритель будет ждать оправдания. Я не хотел снимать суд над вами.

— И оправдание без суда мне не нужно.

— Вера Андреевна, вы сделали за эти годы много хорошего. Почему об этом нельзя сказать прямо?

— Можно. Только не вместо того, что было.

Громов посмотрел на Кедрову, затем снова на неё.

— В тридцать пять минут невозможно вместить каждого участника и каждый документ. Нужен ясный человек, за которым зритель пойдёт. Иначе получится справка: здесь не установлено, тут не возвращено, там согласие ограничено. Вы же сами хотели, чтобы увидели работу.

Вера не сразу ответила. Хотела. И сейчас хотела — особенно первые минуты, когда рука останавливалась возле ножниц. Отказаться от них из принципа было бы проще, если бы она могла объявить съёмку плохой.

— Да, — сказала она. — Хотела. Вы хорошо сняли, как я думаю. А потом решили за меня, о чём.

Дина села на край свободного стула.

— Я направляла замечания по отдельным фрагментам. В том числе по ограничениям использования.

— Мы работаем с черновиком, — сказал Громов. — Именно для этого собрались.

— Сейчас я только сообщаю, что замечания уже были. Переписку можно сверить отдельно.

Кедрова записала что-то на своём листе.

Тамара открыла тетрадь.

— У меня два существенных расхождения. После восьми работ убрано, что это не полный перечень передачи. И после исправления юбилейного текста убрано, что оно не означает общего согласия или прощения. В нынешнем соседстве выходит, будто я подтверждаю благополучное завершение всей истории.

— Вы сами сказали про восемь работ.

— Именно. Не про всё наследство.

— Мы можем вернуть одну оговорку.

— Какая из двух, по-вашему, лишняя?

Громов помолчал.

Вера посмотрела на Ию. В конце фильма её улыбку поставили после слов о восстановленном доверии. Ия не имела к старой передаче отношения. Она просто принесла свои сумки.

— А я там кого простила? — спросила она, словно услышала Верин вопрос. — У меня спросили, удобно ли держать ремень. Я улыбнулась. Теперь я как будто благодарная участница возвращения.

— Это монтаж атмосферы, — ответил Громов.

— Но лицо моё. Работу показывать я согласна. Вот так — не согласна.

Вера чуть не добавила: «Уберите всех из этого места». Удержалась. Ия уже сказала за себя.

— Мне тоже не подходит, что чужие лица подтверждают моё благополучие, — сказала она. — Я не получала общего прощения. И не могу получить его здесь, от тех, кто пришёл на просмотр.

Она вспомнила Олега на скамейке, его вопрос: когда она решила, что он будет в домашней сцене? Похожесть была неприятной. Вера опустила глаза к листам, но не стала говорить об этом при группе.

Кедрова пододвинула ей чистую бумагу.

— Давайте зафиксируем, что относится к вашему согласованию. Ия и Тамара Львовна напишут свои замечания отдельно. Дина — по своим отмеченным ограничениям.

— Я запишу сама, — сказала Вера.

Ручка поначалу оставляла слишком бледный след. Она провела ею по краю, попробовала ещё раз.

Первым записала спорный вопрос и свой ответ. Рядом — просьбу предоставить для сверки исходный контекст, с тем, что сказано до и после. Не весь архив, а относящуюся к этому месту запись.

Потом подняла голову:

— Если историю передачи оставляете, нельзя говорить, что я пришла исправлять только чужое. Я подписала акт, не проверив приложение. Боялась потерять работу, поверила начальству. Ещё до подписи получила предупреждение о личных папках и неразобранных материалах. И всё равно подписала, а потом промолчала.

Громов отвёл взгляд к экрану.

— Вы понимаете, как это прозвучит после сцены с пальто?

— Не знаю. Поэтому я и хочу увидеть, как прозвучит. Но без этого получается неправда.

— Можно вовсе убрать историческую линию, — сказала Кедрова. — Это тоже вариант для рассмотрения.

— Можно, если вернёмся к тому, о чём договаривались. Только не оставлять подвиг, а участие в передаче убирать.

Вера дописала ещё две строки. Ложную полноту возвратов — исправить. Единоличного спасения ей не приписывать.

— И личные разговоры, которые не согласованы, в выпуск не включать, — добавила она. — Я не знаю всех ваших пометок. За других разрешения не даю.

Ия положила рядом свой лист. Он был почти пустой, всего несколько строк.

— Мой разговор в перерыве остаётся с тем ограничением, которое записали. Это не изменилось.

Никто не попросил пояснить, о чём шла речь.

Ася сверила дату в своём календаре.

— Отметка есть. В дополнениях после второго блока. Я могу подтвердить передачу ограничения, не содержание разговора.

Она отдала Кедровой копию своего листа и закрыла папку. Вера была благодарна ей за то, что та не начала собирать всех в единое согласие.

Громов поднялся и прошёл к окну. Приоткрыл штору, посмотрел наружу, затем отпустил.

— Дайте мне несколько дней. Я хочу поработать с возражениями, а не сейчас вычёркивать всё подряд. Здесь есть фильм. Вы его тоже увидели.

— Рабочие сцены увидела, — ответила Вера. — Их я не вычёркиваю.

Кедрова собрала листы.

— Эту версию я к выпуску не утверждаю. По замечаниям нужен отдельный ответ и повторная сверка. Пока никакой рассылки для показа, вырезок и рекламы с утверждением, что фильм готов.

— Четырнадцатое остаётся? — спросил Максим.

— Пока дата стоит. Но сегодняшний просмотр не подтверждает выпуск к этой дате.

Он записал ответ. Громов ничего не сказал.

Вера сфотографировала свои замечания, проверила, читается ли нижняя строка, и отправила Кедровой в тот же рабочий разговор, где были согласованы съёмки. Юлия при ней подтвердила получение.

Когда начали собираться, на экране снова появился первый кадр: Вера возле стола, глаза закрыты перед началом движения. Максим искал место, которое попросила отметить Дина.

— Можно на секунду дальше? — спросила Вера.

Он включил несколько секунд. Её рука легла на бумажный край. Лицо изменилось — сосредоточилось, стало живым. Вера знала, что вслед за этим возьмёт ключи и проверит карман, а резать пока не будет.

— Вот это мне всё ещё нравится, — сказала она Дине.

— Мне тоже.

Вера застегнула сумку. На завтра у неё оставались подготовка к занятию и заказной жакет. Четырнадцатое июня по-прежнему было обведено в календаре, но теперь ей не хотелось заранее звать туда людей.

У двери Кедрова сказала, что сообщит порядок сверки исходного ответа.

— Хорошо, — ответила Вера. — Только мои замечания остаются. Не считайте, что я согласилась, потому что похвалила начало.

— Не считаю.

Вера вышла в светлый коридор. После затемнённой комнаты пришлось прищуриться. Первые минуты фильма она помнила почти целиком — и не собиралась убеждать себя, что они ей разонравились. Именно их было жалко.

Глава 6. За то, что уже сказано

Подкладка цеплялась за кольцо, и Вера сняла его, положила в блюдце возле лампы. На заказном жакете оставалось закрепить внутренний край у застёжки. Заказчица должна была прийти после обеда; Вера обещала, что к примерке всё будет готово.

Утром двадцать девятого мая окно на лоджию пришлось прикрыть. Во дворе косили траву, и ровный гул то приближался, то уходил за дом. Вера протянула иглу, расправила ткань и проверила, не стягивает ли стежок край.

Вчера на экране её руки двигались именно так — без той торопливости, которую она сама за собой замечала. Дина оставила паузу: Вера смотрела на бумажный карман, ещё не зная, что выберет. Потом убрала ножницы. Этот момент вспоминался с удовольствием, хотя после просмотра хотелось сердиться на фильм целиком.

Она перевернула жакет. Сделать хорошие кадры плохими задним числом не получалось.

Возле машины лежал календарь. Подготовку наборов к следующему занятию Вера оставила на вечер; ткань уже была нарезана, нужно было разложить полосы и подписать направление. На сегодня — жакет, примерка и час собственного кроя, если останутся силы. Ночью она не стала переписывать замечания Громову. Всё необходимое было сказано и передано.

Телефон подал короткий сигнал почты.

Вера закончила стежок, закрепила нить и только потом взяла его. В теме письма стояло: «По вашим замечаниям к фильму». Она подумала, что Кедрова уже прислала порядок сверки, и открыла сообщение.

Имени отправителя не было. Вместо него — несколько букв и цифр.

«Чтобы ролик не был распространён, от вас требуется 120 000 рублей и письменный отказ от замечаний к версии, показанной 28 мая. Подтвердите готовность выполнить оба условия. После подтверждения получите реквизиты».

Вера прочла ещё раз, задержавшись на слове «оба».

Ниже было написано:

«Если откажетесь, участники и другие люди увидят, что стоит за вашей историей возвращения наследства. В ролике есть не только ваша подпись, но и разговоры, которые ваши знакомые не хотели показывать. От вас зависит, останутся ли они частными».

Под текстом находились короткое вложение и ссылка с припиской: «Материал для распространения».

Вера положила телефон на стол, но ладонь не убрала. За окном снова приблизилась косилка. Работник задержался под самым окном, мотор захлебнулся и замолчал.

Она взяла телефон обеими руками и включила вложенный фрагмент.

Сначала появилась часть старого акта. Внизу была её подпись — знакомый наклон фамилии, короткая черта после последней буквы. Кадр приблизили так, что соседние строки ушли за край. Поверх поставили слова: «Сначала подписала».

Затем — она сама возле макета, с довольным лицом, освободившая руку от ткани. Вера узнала движение прежде, чем услышала голос. На съёмке что-то наконец получилось; она помнила, как легко тогда стало стоять перед камерой.

«А теперь довольна результатом», — гласила новая подпись.

За её лицом мелькнуло другое. Ия сидела вполоборота, не возле сумки, а на стуле у стены. Начало реплики обрезали. Вера услышала только: «Я не хотела…» — и звук оборвался. Следом возник тесный кадр с Диной, наклонившейся к микрофону. Её слова прозвучали негромко, с такой интонацией, какой она не разговаривала на общих встречах. Фрагмент кончился прежде, чем Вера поняла, о чём речь.

Потом снова появилась её собственная улыбка.

Вера остановила запись.

Жакет лежал у неё на коленях. Она не заметила, как стянула его со стола, пока смотрела. Осторожно положила обратно и вынула иглу из края. Подкладка была цела.

На вчерашнем просмотре акт не переходил прямо в эту улыбку. Там рабочий эпизод жил в начале фильма: вопрос, проба, остановка. Здесь между подписью и довольным лицом не оставалось ничего.

Она убрала громкость. Некоторое время смотрела на неподвижное изображение себя.

Ей захотелось сказать вслух: «Я радовалась карману». Но в комнате никого не было, а человеку, приславшему запись, это едва ли требовалось объяснять.

***

Вера встала за водой. Стакан наполнила слишком высоко и отпила у раковины, чтобы не расплескать по дороге. В кухне всё оставалось обычным: хлеб в закрытом пакете, тарелка после завтрака, полотенце, соскользнувшее с ручки духовки. Она подняла его и повесила ровно.

О подписи знали. Не все люди в городе, разумеется; многие никогда не интересовались ни актом, ни старым швейным участком. Но Вера давно перестала утверждать, что ничего не понимала и ни за что не отвечала. Были её объяснения, исправленная историческая справка, разговоры с теми, чьи вещи передали. Вчера она сама потребовала вернуть её участие в рассказ.

От этого смотреть на крупно снятую фамилию было не легче.

Она могла уже знать свой поступок и всё равно не хотеть, чтобы его заново выносили перед людьми таким способом. Особенно рядом с улыбкой, которую ей хотелось сохранить.

Вера вернулась к столу и перечитала последние строки письма. «От вас зависит».

Сначала она прочла это почти как поручение. Будто теперь следовало срочно найти Ию, Дину, Тамару, объяснить всем, что случилось, и решить, как защититься. Открыла рабочий разговор, где ещё стояло вчерашнее подтверждение Кедровой: замечания получены.

Начала набирать: «Нам всем прислали…»

Стерла.

Ей прислали. Что получили другие, она не знала.

В следующем варианте было: «В записи использованы ваши личные разговоры». Но и тут она остановилась. Она видела несколько секунд, не знала, что попало в более длинный ролик, что было записано до них и после. Ия просила не включать её разговор в фильм. Дина тоже говорила об ограничениях, но Вера не знала всего перечня. Сейчас ей хотелось разослать чужие лица, чтобы немедленно позвать людей на помощь, — те самые лица, которые никто не разрешал пересылать.

Она закрыла разговор, ничего не отправив.

Письмо осталось открытым. Сто двадцать тысяч. И отказ от правок.

Вчера Громов просил несколько дней. Вера хорошо помнила, как он стоял у окна и говорил, что здесь есть фильм. Теперь кто-то требовал сохранить именно показанную версию. Мысль о режиссёре пришла сразу, слишком удобно. Она даже потянулась к его имени в списке контактов, но не нажала.

Желание выпустить фильм было не только у него. Кто готовил это письмо, она не видела.

Телефон зазвонил в руке. Нина.

— Мам, ты дома? Я вчера поздно освободилась. Как посмотрели?

— Дома. Посмотрели плохо.

— Совсем?

— Начало хорошее. Работа хорошая. А дальше меня сделали человеком, который всё исправил и всех помирил. Я возразила. Письменно.

— Они согласились переделать?

— Пока не утвердили выпуск. Нин, мне сейчас письмо пришло.

Она прочла сумму и два условия. Последнюю фразу о чужих разговорах передала по смыслу.

В трубке стало тихо.

— Сто двадцать? — переспросила Нина.

— Да.

— У тебя сколько сейчас свободных денег?

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.